

Черная шкатулка

напевы
баллады
романсы

Людвик Ашкенази

крик

Человек родился и сразу -
в крик.
Никто его не понимает,
но все ему рады.
- А вот и я! - кричит человек.
Я жить пришел!
Я, случайно, не ошибся адресом?
Родился у добрых людей?
В удачном веке?
Вы, между прочим, не воюете?
И отменили рабство?
Цвет моей кожи
вас устраивает?
Анкетные данные
подходят?
Дышать позволите?
И на том спасибо.

решетка

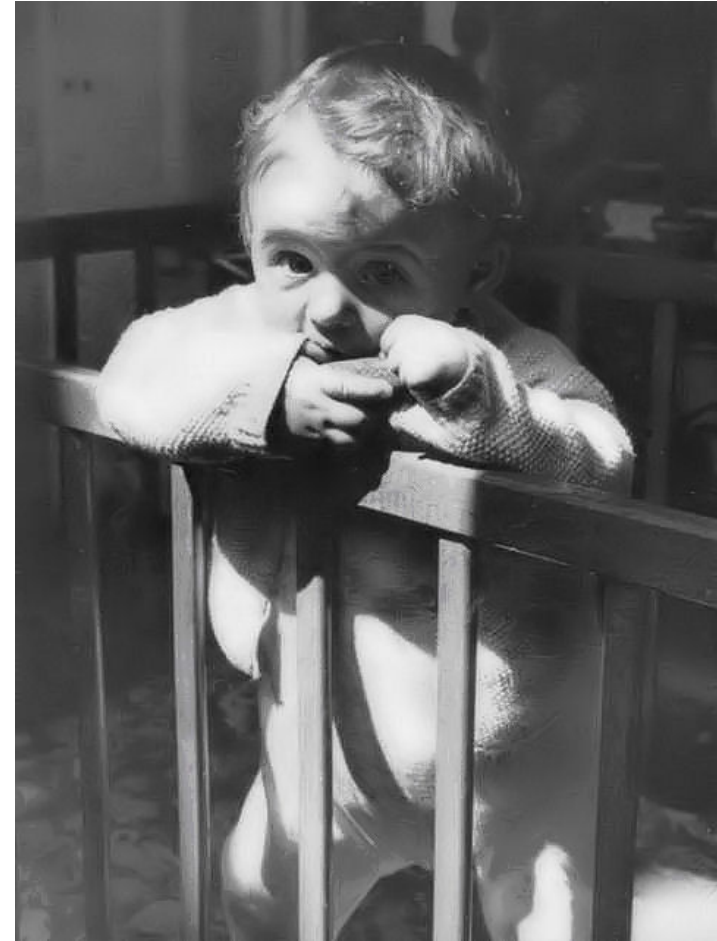
Целый год должен пройти,
целый год,
пока человек обнаружит,
что сеть - это не то, что земля или небо,
что ее придумали, сплели из тонкой бечевы
и повесили на двух крючках.

Боже мой, подумаешь!

Однажды человек сбросит свою первую решетку
и раскорячит ножки, улыбаясь от уха к уху
и ни за что не держась...

С этого дня мама начнет за него бояться.

И уже больше никогда не перестанет...

мудрые изречения

В один прекрасный день человек узнаёт, что он представляет поколение. Начинает носить ковбойку или „конский хвост“, или томик Рембо, или золотой крестик, или шляпу с широкой лентой, или гитару и кеды. Отец нас не понимает, он - другого поколения. Отец считает, что надо рано ложиться и вовремя вставать. Кто раньше встает, больше берет. В знании - сила. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Любовь зла... От добра добра не ищут... Как аукнется, так и откликнется... Сколько веревочке ни виться... Не рой яму другому... И „не высовывайтесь из окна“, и „не разговаривайте с водителем“, и не встречайтесь с незнакомыми мужчинами. И вообще глядите в оба. Ясно?!

Каждое новое поколение могло бы вступить в жизнь, вооруженное до зубов опытом родного отца и деда. Но оно всякий раз хочет все испытать с самого начала.

игра

Больше всего на свете люди обожают играть в шарики - глиняные, стеклянные, серебряные, золотые...

Больше всего на свете люди обожают играть с шариком в стволе - ведь и пуля прежде была круглой.

Ну, а затем с большим шаром, на котором мы живем - по сути дела без квартплаты и домохозяина.

Он необыкновенно терпелив, этот шар, добрый и снисходительный, точно старая кобыла к детям.

Возит нас на себе

и делает все, что может,

чтобы мы не свалились.

Так будем держаться, дети!

герр профессор

Что за чертовщина, почему это мой пулемет не стреляет?
Вчера я его начистил до блеска, весь промазал,
и утром он стрелял, точно соловей, пускающий трели.
Что за ерунда? Ну и жизнь!
Полевая почта не работает, повар ворует, а тут еще
этот дурацкий пулемет.
Это все проклятые оружейники, даже не дадут пострелять
как следует.
Ужасно люблю палить из пулемета. Сразу вспоминаю,
как поливал наш сад.
Человек, он тоже вроде цветка.
Его тоже можно полить. Свинцом.
Наконец-то! Заработал!

оккупация

Дорогой мой потомок, еще не появившийся на свет, сейчас я тебе объясню, что означала оккупация. Они нахлынули в фургонах, грузовиках и танках; с неба спустилось несколько тысяч отборных дюжих молодчиков. Их парашюты были из шелка, из которого выходят такие красивые шуршащие блузочки.

Генерал посмотрел в бинокль и отдал приказ:

- Земля эта, молоком и медом изобилующая, впредь до особого распоряжения изымается! Молоко - на переработку, мед в интендантство, оружие сдать в ратушу, евреев - на стадион, регистрация рабочей силы производится в школах. Полы выскоблить, винные погреба открыть, сменить постельное белье.

И объявляю чрезвычайное положение!

Между тем господа офицеры с оккупированных балконов любовались закатом солнца.

И поздравляли друг друга, говоря:

- Как мы могли забыть эту прекрасную страну в своих военных планах?! Клянусь, она того не заслужила!

дыши, дыши!

Так вылезай, осторожно, не торопись, не бойся,
сдалась тебе эта канализация!

Канализация - для крыс,
а не для такого красивого жидочка, как ты.

Дыши, дыши!

Легкие у тебя хорошие?

Такой красивый парень, а прячется в канализации...

Как тебя зовут? Коган или Кац? Или Хаймович?

Дыши, дыши,

еще немножко можешь подышать.

стена

В одном храме выложили стену необычной мозаикой.
Из букв, цифр и крестиков.

То была мозаика из имен и фамилий,
из Адамов, Яковов, Циль и Давидов,
из Эмилей, Соломонов, Иосифов, Рахилей,
словом: из евреев.

И у всех был один надгробный камень,
холодный, гладкий, с тонкими прожилками.

И ни одного цветка возле них,
и не цвели здесь плакучие ивы,
и никто не ходил по тропинкам
с лейкой. Да и к чему поливать из лейки буквы?

Несколько раз сюда приходила женщина
и все искала на стене свое имя.

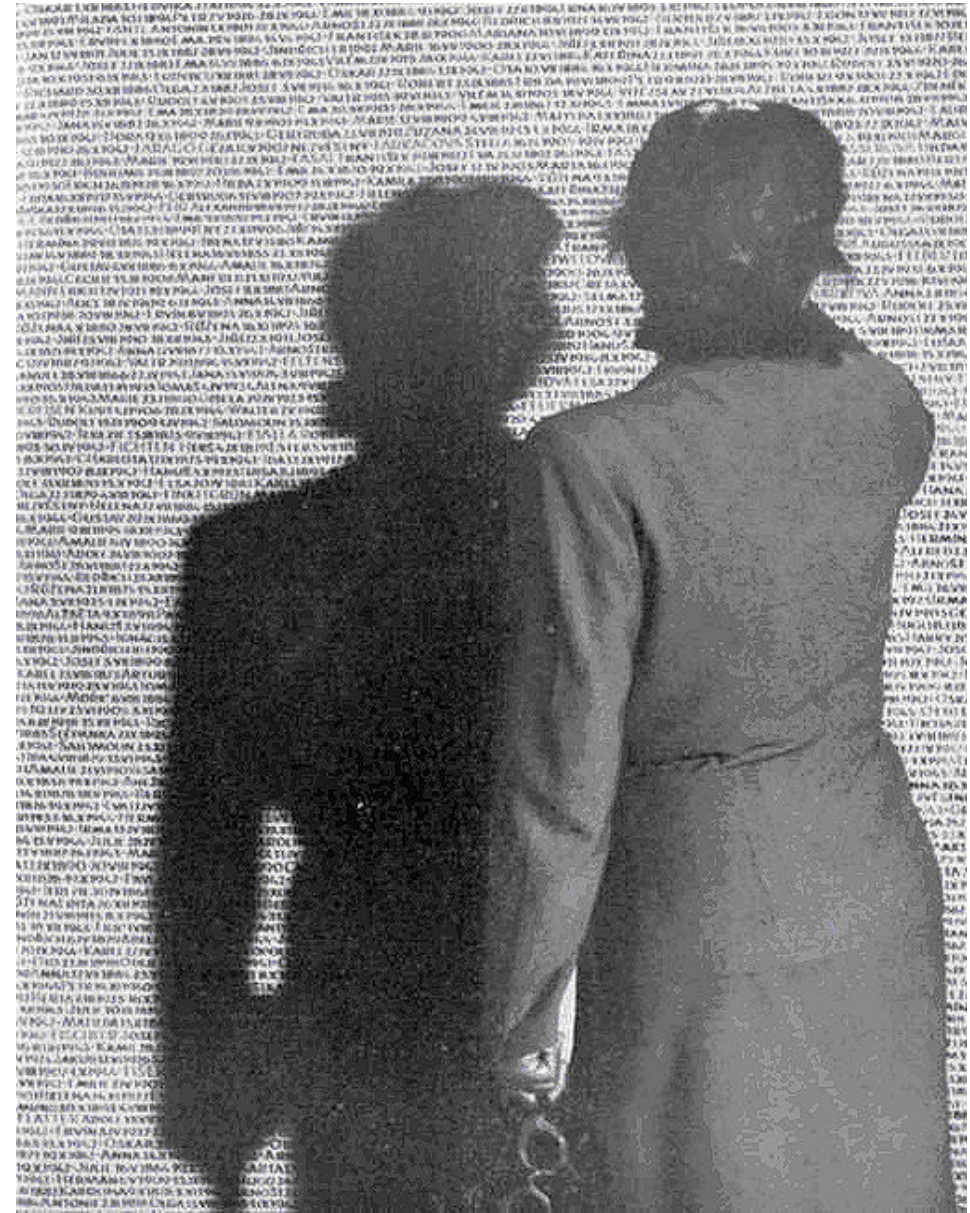
Мы ей говорили:

- Верно, вы ошибаетесь, пани,
вы еще живы.

Смотрите, пани, у вас в кошелке свежая капуста!

Но она водила по стенке маленьким,
почти детским пальчиком,
и продолжала искать свое имя.

- Нет, нет, - говорила она при этом, -
я тоже должна быть где-то здесь,
между Львом и Иосифом.

военный оркестр

Кто его знает: это было или только будет?

С последней войны возвращался последний военный оркестр.

Три геликона, три баритона, литавры, барабан
и одна внештатная флейта.

За ними шел последний,
единственный капрал запаса.

И все старался идти в ногу.

Но с кем?

Капрал нес свернутое знамя, которое изъела
атомная пыль.

То было первое светящееся знамя на земле,
но дело было днем, и этого никто не видел.

„Ах, мейн гот, - причитал капрал. - Такой оркестр,
и ни одного мальчишки, бегущего следом...“

женщины

Есть только две категории женщин, дорогая:
женщины ждущие и те, которых ждут.
Если бы мысли было слышно, дорогая,
улицы бы задыхались в женском крике,
молящем о любви, дорогая, молящем о любви...
Так что на самом деле все женщины ждут. Правда?
И те, которых ждут.

сотворение мира

Была одна девочка, совсем еще маленькая,
и эта девочка сильно плакала.
Вы уж меня извините, сидела на горшочке и
горько-прегорько плакала.
Звали ее Ева. Ладно?
Прошло полтора часа, и никто не знал,
почему она плачет.
- Ева, - говорю, - дай мне немножечко твоих слезок,
я их спрячу в маленькую черную шкатулку.
Девочке это понравилось.
Она мне их наплакала целую чашечку, потом перестала
и говорит:
- Мама мне сказала, что я тоже буду мама.
И у меня будет мальчик, кудрявенький такой, хороший,
и еще девочка - толстушка и хохотушка.
И теперь я боюсь:
а вдруг с ними что-нибудь случится?!
И оттого плачу.
Дядя Людвик, давай мы с тобой сами сделаем такой
мир,
чтобы в нем никто не боялся!
Мы принялись за работу и сделали его.
На славу мир удался.
Он был из пластилина, весь красный. Снаружи и внутри.

Вулканов мы делать не стали, про границы забыли,
казармы у нас не поместились, для тюрем места тоже не
осталось.

Мир этот Ева взяла с собой в постельку,
а я пошел домой и включил последние известия.

